

ТЕЛО И ЕГО ЧАСТИ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ (ИТОГИ НАУЧНОГО ПРОЕКТА)

Крейдлин Г. Е. (gekr@iitp.ru),
Переверзева С. И. (P_Sveta@hotmail.com)

Институт лингвистики РГГУ, Москва, Россия

В статье излагаются результаты работы над научным проектом, целью которого является построение знаковых репрезентаций тела и телесности в разных языках (английском, арабском (египетский диалект), литовском, немецком и хинди) и соответствующих языках жестов. Дается характеристика телесных объектов и их содержательных объединений, описываются основные признаки телесных объектов и значения этих признаков наряду с их языковыми именами. Указываются также способы их языкового отображения и жесты с участием тех или иных частей тела — прежде всего те, которые выражают отношения между людьми. В заключение статьи подводятся итоги проведенных исследований, относящихся к прикладной невербальной семиотике.

Ключевые слова: тело, телесный (соматический) объект, семиотическая концептуализация, сопоставительный анализ, язык, жест, признак, значение признака, прикладная невербальная семиотика

HUMAN BODY AND ITS PARTS IN DIFFERENT LANGUAGES AND CULTURES (THE RESULTS OF THE SCIENTIFIC PROJECT)

Krejdlin G. E. (gekr@iitp.ru),
Pereverzeva S. I. (P_Sveta@hotmail.com)

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

The paper presents the main results of a project aimed at constructing semiotic representations of human body and corporality in different natural languages (English, Arabic (the Egyptian dialect), Lithuanian, German and Hindi) and the corresponding body languages. The lexical system of a body language consists of gestures (in a broad sense of the word), i.e. gestures proper (manual gestures, gestures of legs, etc.), postures, meaningful glances, touches and some other semiotic classes of units. The primary

directions of the project are (1) to describe somatic objects and their significant combinations; (2) to describe major classes of these objects, such as the human body itself, body parts, bones, biological liquids; (3) to examine the features of these objects and their values as well as those of their names; (4) to exhibit different kinds of gestures with somatic objects, among them those expressing human relationships. We also focus on some results in the field of applied nonverbal semiotics, i.e. (a) description of Russian symptomatic gestures performed by a patient in a conversation with a doctor. These gestures may serve to characterize a patient's disease; (b) semantic analysis of Russian phraseological units with names of somatic objects; (c) exploration of meaning and functional characteristics of the so-called Bible somatisms — linguistic expressions in the Bible texts with names of somatic objects as well as of the gestures; (d) analysis of theatrical corporeal behavior.

Key words: body, corporal (somatic) object, semiotic conceptualization, comparative analysis, language, gesture, feature, value, applied nonverbal semiotics

1. Введение

Проект «Тело и его части в разных языках и культурах», о котором пойдёт речь в настоящей работе, является естественным продолжением проекта «Части тела в русском языке и русской культуре», о котором нам уже приходилось рассказывать и писать.¹ Разработанные в нём формат и метаязык описания тела и телесных объектов послужили отправной точкой для предпринятого нового исследования.

Основным понятием, общим для обоих проектов, было понятие **семиотической концептуализации тела и телесности**. Отражая типовые взгляды обычных, не искусённых в биологии или медицине людей на человеческое тело, семиотическая концептуализация моделирует их представления о теле и телесности, выраженные в знаках данного языка и культуры. «Строительным материалом» для семиотической концептуализации являются обслуживающие её знаки не только естественного языка, но и телесных кодов, или языков тела, а также, возможно, единицы некоторых других знаковых кодов. При построении моделей тела и телесности для языков и культур, отобранных нами, главное внимание мы уделили значениям и употреблением релевантных слов и словосочетаний, а также значениям и употреблением жестов разных семиотических классов и лексическим особенностям их номинаций.

В качестве материала для анализа были взяты следующие языки: английский, арабский (египетский диалект), литовский, немецкий и хинди — и соответствующие им языки тела. Изучалось то, как тело представлено в вербальном

¹ См. Крейдлин 2010; Крейдлин, Переверзева 2010а. Участниками обоих проектов были студенты (А. С. Сидорова, А. В. Семёнова, Э. Е. Заришева), аспиранты (Е. А. Клыгина, Л. А. Хесед) и преподаватели РГГУ (Г. Е. Крейдлин, А. Г. Кадыкова, С. И. Переверзева) и ВШЭ (А. Б. Летучий), а также научный сотрудник Института славяноведения (П. М. Аркадьев).

и невербальных знаковых кодах этих языков и культур, и сравнивались выразительные возможности этих кодов.

Решение поставленных в проекте задач было разбито на несколько этапов.

1. С самого начала был составлен список основных телесных, или, иначе, соматических, объектов (далее: СО) и их типовых естественно-языковых имён. Затем объекты и имена были распределены по классам, таким, как тело (отдельный класс), части тела (голова, рука), части частей тела (ноздри, пальцы), внутренние органы (печень, почки, желудок), особые места на/в человеческом теле (подмышки, пупок, ложбинка), линии (пояс, талия), инородные объекты (горб, прыщ, синяк) и др.
2. Составленные для каждого языка списки подверглись дальнейшей обработке. В частности, имена СО объединялись в синонимические ряды, и каждый элемент ряда был снабжён пометами, характеризующими его сферу употребления или отдельные смысловые или стилистические особенности слова.

Материалами и источниками данных для предполагаемого сопоставительного анализа знаковых систем послужили печатные тексты и электронные корпуса. Учитывались данные разных словарей, включая жестовые; использовались видеоматериалы записанных нами академических лекций преподавателей РГГУ разных гуманитарных профессий. Видеозапись, разумеется, сочеталась с визуальным наблюдением за реально исполняемыми жестами; при их анализе мы опирались не только на наши собственные наблюдения, но и на видеоматериал, собранный по нашей просьбе некоторыми коллегами и студентами российских и зарубежных вузов.

2. Результаты исследования

Работа над проектом велась по нескольким линиям. Это (I) характеристика самих СО, их типов и знаковых репрезентаций в разных языках; (II) описание телесных признаков и их значений, а также способов их вербального и невербального знакового отображения; (III) анализ средств невербального отображения отношений между людьми (для каждого из рассматриваемых языков тела); (IV) исследования в области прикладных аспектов невербальной семиотики.

2.1. Характеристика СО, их типов и знаковых репрезентаций в разных языках

В ходе анализа СО подробно были описаны некоторые их классы, или типы, — в частности, кости (на материале русского и английского языков). Показано, что класс «кости» разбивается на два крупных семантических подкласса,² один из которых с языковой точки зрения состоит из элементов, являющихся

² См. Крейдлин 2013.

костями, — поскольку люди говорят о них именно как о костях, костных объединениях и сочленениях. Это *кость*, *скелет*, *ребро*, *хрящ*, *ключица* и некоторые другие. Второй подкласс с языковой точки зрения представляет собой, прежде всего, части тела или части таких частей; иными словами, в большинстве коммуникативных актов люди рассматривают имена таких СО как обозначения частей тела или частей таких частей. Между тем центральным, если не единственным, формо- и структурообразующим элементом в этих СО является кость, и по этой причине такие слова, как *локоть*, *лоб*, *колени*, *таз*, *скула* и некоторые другие, интерпретируются в ряде контекстов как кости, то есть имеют другие значения или другой тип употребления. Таким образом, имена костей обладают разветвлённой структурой многозначности и множественной референцией. Понятие множественной референции в дальнейшем было перенесено и на другие типы СО.

Параллельно с русским материалом изучалось то, как класс «кости» представлен в английском языке. Например, слово *bones* обозначает не только ‘множество костей’, но и ‘скелет’; кроме того — по-видимому, из-за несоответствия эталонов красоты в англосаксонской и русской культуре, — оно означает также ‘черты лица’, ср. *beautiful bones of face* ‘красивые (благородные) черты лица’. И наконец, слово *bones* часто используется иронически, ср. *She will take care of your bones* ‘Она позаботится о вас’ (букв. ‘Она позаботится о ваших костях’); такая же ирония прослеживается и в сложных словах с частью *bone*.

Помимо типов СО, анализировались и отдельные СО, такие, как щёки, пупок, переносица, волосы, глаза и ряд других.

При построении семиотической концептуализации щёк были описаны их структурные, физические и функциональные признаки и проанализированы их языковые отображения.³ Особое внимание обращалось на смысловые и культурные выделенные значения (*values*) этих признаков, которые имеют свои выражения в каждом из исследуемых языков.

Под смысловой выделенностью значения признака мы понимаем ту дополнительную смысловую нагрузку, которую несёт языковая единица, служащая средством выражения этого значения, — обычно это информация об обладателе объекта с этим признаком. Например, высказывание *У него кривые руки* характеризует человека как плохо делающего что-то или не умеющего делать нечто нужное или полезное; таким образом, сочетание *кривые руки* является языковым выражением выделенного значения признака «форма рук».⁴ Под культурной выделенностью значения мы имеем в виду его важность для правильного осмысления культурного контекста употребления самого признака.

³ См. Крейдлин, Летучий 2010.

⁴ Смысловая выделенность значения признака «форма рук», которое передаётся сочетанием *кривые руки*, — это не коннотация слова *кривой*. У этого слова вообще нет коннотации, если, конечно, не считать, что у слова *кривой* в сочетании *кривые руки* есть особое значение. Ср. выражения *кривые ноги* и *кривые зубы*, передающие значения (*values*) признаков, соответственно, «форма ног» и «форма зубов». Указанные значения не обладают свойством смысловой выделенности.

Так, значение /иметь бороду/ для признака «наличие волосяного покрытия на лице» (у мужского лица) ещё в недавнем прошлом было культурно выделенным, поскольку бороду носили лишь определённые социальные группы мужчин: религиозные деятели, художники, писатели.

Выделенными являются и некоторые значения цвета и формы щёк, ср. *розовые щёки*, *белые щёки*, *впалые щёки*, поскольку эти сочетания говорят не только о цвете и форме щёк, но и о физическом здоровье или нездоровье человека, а также о некоторых свойствах его тела.

Подробно описывались также семантика и синтаксис трёх важных классов жестов с участием щёк, а именно жестов-ударов (хлопнуть/ударить по щеке, похлопать по щеке или пощёчина), жестов-касаний (трепать по щеке или поцеловать в щёку), и жестов-щипков (ущипнуть за щёку). Показано, что среди ударов жесты занимают особое место, выражая разные эмоции, как негативные (ср. ударить по щеке и пощёчина), так и позитивные (ср. похлопать по щеке). Разумеется, не любой удар по щеке является знаковым, например, бьют по щеке (щекам) в драке или приводя людей в чувство.

Интересными оказались некоторые характеристики СО «пупок» и его признаков: (а) имя *пупок* обладает множественной референцией, обозначая не только часть живота, но и определённое место на нём; (б) существует важный параллелизм в семантике слов *пупок* и *пуп*, ср. значение слова *пупок* как ‘центрального места на человеческом теле’ и слова *пуп* как ‘центра Земли’. Кроме того, интерес представляют (в) культурная символизация пупка и его дисфункции. Так, пупок является маркером генетической связи материнского тела с телом ребёнка; кроме того, пупок мыслится как средоточие жизненных сил человека, а такая операция над ним, как завязывание, ассоциируется с началом, «завязыванием» жизни человека. Кроме того, завязывание пупка служит жизненно важной цели, а именно препятствует проникновению болезней в тело человека, то есть пупок символически представляется как одно из тех мест (наряду с глазами, коленями, сгибом локтя и некоторыми другими), через которые в организм человека проникают разные болезни.

Информация о дисфункции пупка, прежде всего о его болезнях, важна для адекватного перевода с одного языка на другой и для построения типологии соответствующих имён в разных языках. В Интернете есть много текстов, в которых люди (в основном матери младенцев) интересуются, как лечить такую болезнь, как *мокнущий пупок* (выражение *мокнущий пупок* означает ‘плохое заживление пупочной ранки, когда она постоянно мокнет’). Название данной болезни по-английски звучит, однако, как *weeping navel*, то есть буквально ‘плачущий пупок’, — если этого не знать, то перевести на английский сочетание *мокнущий пупок* весьма затруднительно.

Мы изучили и такой «экзотический» СО, как «переносица»: сформулировали толкование слова *переносица* — ‘твёрдая часть носа между глазами, расположенная ближе всех других частей носа ко лбу’, — в которое включены две важные характеристики переносицы. Это физический признак (точнее, значение этого признака «твёрдый») и структурный признак — «местоположение». При описании переносицы выделена важная — и, по-видимому, свойственная

многим культурам, — характеристика, соответствующая её основной функции, а именно, переносица является местом, на котором люди носят очки. Таким образом, переносица входит в класс типовых мест на теле или в теле человека, за которыми закреплены строго определённые функции; обнаружено, что таких мест не очень много.

При изучении значения и употребления ряда русских жестов, таких, как, например, жестовых ударений, а также слова *переносица* и его иноязычных эквивалентов мы столкнулись с необходимостью ответить на ряд вопросов, относящихся к области словообразовательной семантики. В частности, это вопросы о значениях приставки *пере-* и правилах её комбинирования с корнем *-нос-* и — шире — о связи значений разных приставок с русскими именами телесных объектов: приставки *за-* в словах *запястье*, *залысина*, *затылок*, приставки *под-* в словах *подбородок*, *подмышка*, *поджелудочная <железа>* и приставки *пред-* в *предплечье*, *предсердие*. Показано, что значение приставки *пере-* в слове *переносица* соответствует смысловому компоненту ‘между глазами’, то есть переносица мыслится как некоторое место/часть носа, расположенное между глазами. Показательны в этой связи английские и литовские эквиваленты переносицы, соответственно, *bridge of nose* (букв. ‘мост носа’, то есть мост, тянущийся через нос от одного глаза к другому) и *tarpuakis* (букв. ‘межглазье’). Иное представление о переносице отражено в её французском имени — *radix de nez*, букв. ‘корень носа’; оно показывает, что переносица мыслится как основание носа — место, от которого нос строится. Таким образом, во французском языке важно не горизонтальное измерение переносицы, а вертикальное. Идея вертикальности отображается и в другом литовском обозначении переносицы — слове *viršunosė*, обозначающем буквально ‘верхнюю часть носа’.

Анализ семантики словообразовательных, в частности, приставочных, морфем в составе имён СО послужил нам стимулом для продолжения изучения нетривиальных связей такой области лингвистики, как приставочное словообразование, с кинесикой — наукой о жестах, жестовых процессах и жестовых системах и составной частью невербальной семиотики⁵.

2.2. Описание телесных признаков, их значений и способов их вербального и невербального знакового отображения в разных языках

Второе направление наших исследований было связано с анализом признаков СО и их значений. Анализируя признаки объектов мира, мы считаем принципиально важным отталкиваться всегда от той предметной области, к которой данные объекты принадлежат (в нашем случае это СО). Иными словами, мы изучаем не признак «цвет» как таковой и не признак «форма» и т. д., а признаки «цвет волос», «форма носа» и т. д. Выбранная для анализа предметная область диктует как сам набор признаков, так и их возможные, прежде всего, выделенные, значения.

⁵ См. об этом в работе Крейдлин 2012.

Все признаки СО были разделены на четыре больших группы: (а) классификационные (такие, как, например, объединение СО в типы или иные группы, ср. сочетания *опорно-двигательная система, вестибулярный аппарат*), (б) структурные, (в) физические и (г) функциональные.

К структурным признакам относятся, например, признаки «биологическая парность» и «семиотическая парность».

Были выделены два типа биологической парности — перцептивная и когнитивная. Первая отличает видимые части тела, такие, как плечи, руки и ноги; об их парности человек узнаёт из личного опыта и наблюдений. Когнитивные биологические пары образуют СО, парность которых для человека неочевидна: он узнаёт о ней в ходе обучения в школе или при болезни СО. К таким СО относятся, в частности, лёгкие и почки.

У слов, референты которых входят в перцептивные пары, числовая характеристика устроена несколько иначе, чем у слов, референты которых образуют когнитивные пары. Мы одинаково легко и с более или менее одинаковой частотой употребляем слова *руки* и *рука*, *ноздри* и *ноздря*, *ухо* и *уши* между тем как употребления слов типа *лёгкие* и *почки*, то есть слов, обозначающих когнитивные биологические пары, встречаются на порядок чаще, чем употребления слов *лёгкое* и *почка*⁶.

СО, образующие биологическую пару (не важно, является эта пара перцептивной или когнитивной), являются семиотически парными, если: (1) стандартное языковое обозначение самой пары имеет форму множественного числа (ср. *руки*, *ноги*, *глаза*); (2) каждый член пары имеет имя, которое может быть либо (а) формой единственного числа, соответствующую имени пары (ср. *рука*, *нога*, *глаз*), либо (б) сочетанием такой формы со словом, выражающим местоположение обозначаемого объекта относительно вертикальной (ср. *ноги* — *левая* и *правая нога*, *глаза* — *левый глаз* и *правый глаз*) или — *реже* — относительно горизонтальной оси тела (ср. *губы* — *верхняя* и *нижняя губа*, *веки* — *верхнее* и *нижнее веко*); (3) и у данного СО, и у биологически парного ему СО имеются имена, хорошо освоенные данным языком и не являющиеся терминами. Таковы, например, сочетания *левая рука* и *правая рука*.⁷

Производным от понятий семиотической парности и семиотической пары является понятия **семантически и культурно выделенного члена семиотической пары** (для данного языка и данной культуры). Например, в русском языке *левая рука* выделена в семиотически парном объекте «руки» относительно смысла 'лёгкость выполнения некоторого действия'. Об этом говорит, например, оборот *сделать что-л. одной левой* (при неправильном **сделать что-то одной правой/только правой*). В мусульманских культурах *левая рука* является культурно выделенной: она считается нечистой, ей, например,

⁶ Так, согласно НКРЯ (Основной корпус со снятой омонимией, 28.03.2013) слово *лёгкое* встречается примерно в 4 раза реже, чем слово *лёгкие* (21/86), тогда как *рука* и *руки* употребляются примерно с одинаковой частотой (4156/4588).

⁷ Подробно о понятиях биологической и семиотической парности, а также о биологических, языковых и культурных причинах, обуславливающих выделенность того или иного члена пары см., например, в работе Крейдлин, Переверзева 2010б.

не принято давать или брать подарки. В русской же культуре за левой рукой такие культурные коннотации не закреплены.

При анализе СО и повседневного телесного поведения человека были сформулированы два важных принципа, регулирующих такое поведение, — **принципы физиологического удобства** и **пространственного удобства**. Оба они говорят о том, какой СО человек обычно выбирает в качестве инструмента действия. Первый гласит: если человек хочет совершить некоторое действие и в его распоряжении есть несколько СО, которые он может использовать в качестве инструментов для этого действия, то он выбирает тот СО, который является физиологически наиболее удобным. Например, если человек исполняет жест **закрывать глаза руками**, он закрывает правой рукой правый глаз, а левой рукой — левый; иначе ему неудобно. Второй принцип говорит о том, что если человек намеревается совершить некое действие с предметом, расположенным в его личном пространстве, и использовать для этого один из релевантных СО, то он выбирает тот СО, который в данный момент находится ближе всего к данному предмету.

Различие членов пары по выделенности и формулировка данных принципов важны не только для теоретической, но и для практической лексикографии, так как они позволяют сократить тексты лексикографических описаний.

Из физических признаков были подробно рассмотрены признаки «звуки, <издаваемые> СО», «цвет СО» и некоторые другие. На множестве телесных звуков была определена серия важных противопоставлений, образующих основу для семантических классификаций. Среди них: (1) звук, издаваемый данным СО / звук, для которого он является вместилищем; (2) уникальный / неуникальный телесный звук; (3) телесный звук, издаваемый человеком в нормальном / изменённом состоянии; (4) звук, в норме слышимый только данным человеком / слышимый и другими людьми; (5) реальный / имагинальный (то есть воображаемый, представляемый) телесный звук и ряд других.⁸ Рассматривались также противопоставления на множестве лексических единиц, связанных с телесными звуками.

При анализе признака «цвет СО» (на материале русского, английского, немецкого, французского и итальянского языков) было показано, что этот признак играет важную роль не только для характеристики СО, но и для описания внешнего облика, некоторых личных качеств и физического или эмоционального состояния человека. Отметим здесь наиболее важные результаты:

- (1) для разных языков СО чувствительны к признаку «цвет» по-разному. Для одних СО он является конституирующим, то есть без указания значения (или нескольких значений) этого признака описание СО, такого, как, например, глаза, волосы, кожа, будет неполным и неточным. Для других (например, для лица, рук или губ) указание на цвет нужно только в определенных коммуникативных или социальных ситуациях. Для третьих (подбородок, поясница или ступни) цвет в текстах не указывается вовсе или указывается исключительно редко;

⁸ Полный список и анализ вводимых противопоставлений на множестве звуков см. в статье Крейдлин, Переверзева 2011.

- (2) даже в пределах одной западноевропейской культуры языковые отображения выделенных значений признака «цвет данного СО» различаются. Так, в английском языке одно из выделенных значений признака «цвет глаз» передается словом *pink* ‘розовый’: при этом сочетание *pink eyes* характеризует человека, больного конъюнктивитом. В русском языке сочетание розовые глаза для описания человека применяется очень редко;
- (3) обнаружена не свойственная другим исследуемым европейским языкам особенность многих немецких композитов, которая состоит в том, что они, будучи по морфологической структуре обозначениями цвета СО (например, *Himbeerzunge* букв. ‘малиновый язык’, где *Himbeer* — ‘малина’, а *Zunge* — ‘язык’), семантически более насыщены. Так, в приведенном примере слово *Himbeerzunge* обозначает не только цвет, но и особенность поверхности языка — его бугристую структуру, напоминающую структуру малины; иными словами, оно означает следующее: ‘язык, по своей бугристой поверхности и цвету похожий на малину’.

Перейдем теперь к особенностям концептуализации тела и его частей в рассматриваемых нами языках.

При анализе особенностей арабской семиотической концептуализации тела были получены (среди прочего) следующие результаты:

- (1) составлен список типовых арабских имён основных СО и показано, что они по многим признакам отличаются от русских аналогов;
- (2) выявлено существенное различие в употреблении арабских имён СО, а также их признаков и значений признаков, в составе свободных сочетаний и в составе фразеологизмов; арабские единицы сравнивались при этом с соответствующими единицами русского языка. Например, устойчивое сочетание *ghariqa hatta: al-adqa:n* (букв. ‘погрузиться по подбородки’) соответствует русскому обороту со значением ‘увязнуть по уши’, а фразеологизм *raghma 'anfihī* ‘против чьего-л. желания’ (букв. ‘против чьего-л. носа’) не имеет никаких соответствий в русской соматической фразеологии;
- (3) показано, что арабские названия СО нередко образуются от корней с широким значением, изначально не связанным с тематическим полем тела и телесности, а потому они могут передавать информацию о других фрагментах наивной картины мира. Например, слово *Zahrūn* ‘спина’ означает также ‘заднюю сторону какого-либо объекта вообще’, в частности, ‘оборотную сторону листа’, тогда как корень этого слова, *Zhr*, переводится как ‘представать, появляться’, то есть со смыслом ‘спина’ не связан. Отметим, что смысл ‘представать, появляться’ в русской культуре и русской картине мира соотносится скорее с другим СО, а именно лицом (а не со спиной, как в арабском языке).

В ходе построения фрагмента литовской семиотической концептуализации тела и телесности было показано, что в литовском языке не находят отражения смысловые противопоставления, отмеченные для русских слов *тело*, *корпус*

и *плоть*.⁹ Зато в литовском языке есть разные слова, которые соответствуют двум русским лексемам *плечи* — *плечо1* ('плоские горизонтальные части тела по обе стороны от шеи', лит. *petis*) и *плечо2* ('часть руки от плеча1 до локтя', *žastas*).

Подробно изучались разнообразные и часто не характерные для русского метонимические соотношения между отдельными значениями имён СО (например, слово *plaukai* обозначает не только волосы на голове и на теле человека, но и шерсть животных и её масть). Литовскому языку присущ также целый ряд фразеологизмов, не свойственных русскому языку. Например, выражение *visokio plauko*, буквально означающее (с учётом семантики падежной формы) 'разных волос' или 'разных мастей', переводится на русский как *всевозможные, разношёрстные*. При описании литовских обозначений волос обнаружено, что, хотя волосы и в литовском, и в русском относятся к типу телесных покровов, признаки волос в этих языках отличаются характером выделенных значений.

Разнообразие способов представлений тела в литовской и русской картинах мира исследовалось, в частности, на материале особого рода текстов — лечебных заговоров. Литовские лечебные заговоры о теле и телесности, как правило, строятся по особым формулам, которые можно назвать *формулами телесности*. Это, по большей части, ритуализованные, обычно клишированные, выражения с именами СО, обращённые к высшей силе или каким-то предметам, наделяемым магической силой, и служащие средством избавления людей от разных заболеваний. Обнаружено, что разные СО «освоены» такими текстами в разной степени. Максимальная освоенность у СО «кровь»: литовцы говорят, что *кровь бежит, течёт, выманивает душу из тела*, её просят остановиться. Кровь не должна *видеть солнца* или *показываться свету*; её нужно *завязать, запереть, удерживать в жилах*. Интересно, что среди литовских эпитетов крови, встречающихся в лечебных заговорах, отсутствует привычная для русских характеристика *красная* — кровь бывает только 'огненная' (*ugnivystas*) и 'прозрачная' (*skaidrus*).

Помимо анализа литовских выражений и текстов изучалась языковая концептуализация СО «голова», «сердце» и «язык», а именно, описывались семантически и культурно выделенные значения признаков этих СО. Так, было показано, что в современном литовском названии языка — слове *liežuvis* (от *liežti* 'лизать'), в отличие от старолитовского названия, нет переносных значений 'язык' и 'речь': они в современном литовском передаются при помощи основы *kalba*, ср. глагол *kalbėti* 'говорить'.

2.3. Анализ способов и средств невербального отображения отношений между людьми (для данного языка тела и культуры)

Третье направление включает в себя исследования отдельных способов невербального и смешанного, вербально-невербального, отображения межличностных отношений. Изучались семантические классы дружеских и любовных

⁹ Семантический анализ этих слов см. в работах Крейдлин 2010, Крейдлин 2014 (в печати).

жестов русской и англо-саксонской культуры, инвариантом которых является выражение хороших чувств жестикулирующего к адресату. Речь идёт, в частности, об описании физической реализации, семантики и закономерностей употребления таких русских жестов и классов жестов, как **объятия**, **поцелуи**, дружеские **шлепки** и **похлопывания**. Для их характеристики важны, прежде всего, такие различительные признаки, как форма, манера и место реализации жеста, степень психологической близости субъекта и адресата, сила, с которой жест исполняется, и ряд других.

Изучались смысловые различия между языковыми конструкциями, описывающими такие жесты или способы их исполнения. В качестве примера укажем на различия между сочетаниями *обнять чьи-то плечи* и *обнять кого-то за плечи*: в семантике предложного сочетания, по сравнению с беспредложным, содержится дополнительная информация: это идея захвата, присвоения и удерживания адресата жеста при себе в течение короткого времени.

Из любовных жестов-**поцелуев** особенно подробно описаны жестовые лексемы, объединённых названием *поцелуй в нос*.¹⁰ Кроме того, были описаны такие классы жестов, как **шлепки** и дружеские **похлопывания**. Было введено важное понятие телесной этики, которое помогает описанию многих телесных знаков, выражающих этикетные смыслы, такие, как 'прилично', 'неприлично' и т. п., а также культурных сценариев, отражающих типовые русские этикетные нормы телесного поведения.

2.4. Исследование прикладных аспектов невербальной семиотики

Четвёртое направление исследования образуют работы, связанные с прикладными аспектами невербальной семиотики. Их общая цель — раскрыть важные и вместе с тем неочевидные связи между невербальной семиотикой и другими областями знаний.

Среди них: (а) выполненное на материале одного конкретного коммуникативного жанра — диалога врача с пациентом во время первичного приема больных описание русских симптоматических жестов, служащих важными и надёжными, как считают медики, показателями патологических состояний людей. Такое исследование, по мнению врачей, может существенно помочь начинающим медикам при постановке диагноза; (б) разработка методики анализа русских фразеологических единиц с именами СО (так называемых фразеологических соматизмов). Была сформулирована гипотеза, говорящая о том, что для полного и точного описания семантики таких фразеологизмов необходимо знание свойств многих составляющих семиотической концептуализации тела и телесности. Эта гипотеза была подтверждена при описании русских фразеологизмов со словом *голова*¹¹,

¹⁰ О жестах-поцелуях, в частности описание жеста *поцелуй в нос*, см. в работе Крейдлин, Переверзева 2013 (в печати).

¹¹ Полный список и анализ вводимых противопоставлений на множестве звуков см. в статье Крейдлин, Переверзева 2011.

а также фразеологизмов языка хинди со словом *зубы* и их переводных эквивалентов в целом ряде языков; (в) раскрытие смысловых и функциональных особенностей библейских соматизмов, то есть выражений естественных языков, включая имена жестов, встречающихся в библейских текстах. Определена роль тела и других СО (главным образом, глаз, рук, коленей) в семиотическом акте молитвы и описан класс основных религиозных жестов — жесты **коленипреклонения**; (г) анализ сценического телесного поведения. Речь идёт о невербальных единицах и моделях, свойственных некоторым известным в театральном мире системам и направлениям режиссуры. В частности, было введено понятие невербального театра и показано, в чём состоят отличительные особенности ряда невербальных театров в их сравнении с некоторыми другими видами сценических направлений.

3. Заключение

Подытоживая сказанное, подчеркнём ещё раз, что важность и актуальность построения семиотической концептуализации тела и телесности в разных языках и культурах состоит в том, что оно (а) открывает возможности построения разных типологий тела и телесности и показать те точки, в которых эти типологии дополняют друг друга или противоречат друг другу; (б) уточняет и дополняет набор признаков и их значений, характеризующих тело и различные явления телесности. Кроме того, описание тела и телесности в разных языках и культурах открывает перспективы (в) создания моделей устной коммуникации людей, в которой существенно используются и взаимодействуют вербальные и невербальные знаковые коды, и (г) усовершенствования общих стратегий и инструментов перевода устных и письменных текстов с одного языка на другой с учётом содержащейся в них вербальной и невербальной информации. Этим и смежным с ними проблемам мы собираемся посвятить нашу коллективную монографию под условным названием «Образ тела в языке и культуре».

Литература

1. *Козеренко, Крейдлин 2011* — Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания, № 6, 2011. С. 54–66.
2. *Крейдлин 2010* — Крейдлин Г. Е. Тело в диалоге: семиотическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 1: тело и другие соматические объекты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 226–234.
3. *Крейдлин 2012* — Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика и словообразование: точки соприкосновения // Актуальные проблемы словообразования. IV. Кемерово: Кемеровский ГУ, 2012.

4. Крейдлин 2013 — Крейдлин Г. Е. Соматические объекты и некоторые их типы: проблемы лингво-семиотического описания // *Материалы Гро-товских чтений. Сборник научных статей*. М., 2013 (в печати).
5. Крейдлин 2014 — Крейдлин Г. Е. Библейские соматизмы: квалификация и оценка // *Хвала и хула в языке и коммуникации (сборник статей)*. М.: РГГУ, 2014 (в печати).
6. Крейдлин, Летучий 2010 — Крейдлин Г. Е., Летучий А. Б. Части тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах. II. Щеки // *Русский язык в научном освещении*, № 1 (19), 2010. С. 222–235.
7. Крейдлин, Переверзева 2010а — Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Тело в диалоге: семиотическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 2: Признаки соматических объектов и их значения // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.))*. М., 2010. Вып. 9 (16). С. 235–240.
8. Крейдлин, Переверзева 2010б — Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Части тела и их имена в русском языке: биологическая и семиотическая парность частей тела // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы», Гранада, 8–10 сентября 2010 г. Том II. Доклады и сообщения. Гранада, 2010. С. 2064–2069.
9. Крейдлин, Переверзева 2011 — Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Основные противопоставления на множестве телесных звуков // *Вестник РГГУ*. 2011. № 11 (73). С. 80–101.
10. Крейдлин, Переверзева 2013 — Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Дружеские и любовные жесты. II. Поцелуи // *Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2009, 2010 и 2011*. М.: МЦНМО, 2013 (в печати).

References

1. Kozerenko A. D., Krejdlin G. E. (2011), Phraseological somatisms and semiotic conceptualization of the body [Frazеологическijе somatizmy i semiotическая kontseptualizatsija tela], *Voprosy jazykoznanija [Questions of Linguistics]*, no. 6, pp. 54–66.
2. Krejdlin G. E. Body in a dialog: semiotic conceptualization of the body (results of the project). Part 1: Body and other somatic objects [Telo v dialoge: semiotическая kontseptualizatsija tela (itogi projekta). Chast' 1: telo i drugije somatическая ob'jekty]. *Komp'juternaia Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii: Trudy Mezhdunarodnoj Konferentsii "Dialog 2010"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog 2010"]. Moscow, 2010, pp. 226–234.
3. Krejdlin G. E. Bridges between nonverbal semiotics and the theory of word-formation [Neverbal'naja semiotika i slovoobrazovanije: tochki soprikosnovenija]. *Aktual'nyje problem slovoobrazovanija. IV [Actual problems of the theory of word-formation. IV]*. Kemerovo, 2012.

4. *Kreydlin G. E.* Somatic objects and come of their types: the problems of linguo-semiotic description [Somaticheskije ob'jekty i nekotoryje ih tipy: problem lingvo-semioticheskogo opisanija]. materialy Grotovskih chtenij Sbornik nauchnyh statej [Materials of Grot conference]. Moscow, 2013, to appear.
5. *Kreydlin G. E.* Bible somatisms: qualification and assessment [Biblejskije somatizmy: kvalifikatsija i otsenka]. Hvala i hula v jazyke i kommunikatsii [Praise and disgrace in language and communication]. Moscow, 2014, to appear.
6. *Kreydlin G. E., Letuchiy A. B.* (2010), Body parts in the Russian language and in nonverbal semiotic codes. II. Cheeks [Chasti tela v russkom jazyke i v neverbal'nyh semioticheskikh kodah. II. Shcheki], *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage], no.1, pp. 222–235.
7. *Kreydlin G. E., Pereverzeva S. I.* Body in a dialog: semiotic conceptualization of the body (results of the project). Part 2: Features of somatic objects and their values [Telo v dialoge: semioticheskaja kontseptualizatsija tela (itogi projekta). Chast' 2: Priznaki somaticheskikh ob'jektov ii h znachenija]. *Komp'yuternaia Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii: Trudy Mezhdunarodnoj Konferentsii "Dialog 2010"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog 2010"]. Moscow, 2010, pp. 235–240.
8. *Kreydlin G. E., Pereverzeva S. I.* Body parts and their names in Russian: biological and semiotic pairs of body parts [Chasti tela i ih imena v russkim jazyke: biologicheskaja i semioticheskaja parnost' chastej tela]. II mezhdunarodnaja konferentsija "Russkij jazyk i literature v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: sovremennoje sostojanije i perspektivy" [II International conference "Russian language and literature in the International Education: modern state and perspectives"]. Granada, 2010, pp. 2064–2069.
9. *Kreydlin G. E., Pereverzeva S. I.* (2011), Corporeal sounds: basic oppositions [Osnovnyje protivopostavlenija na mnozhestve telesnyh zvukov], *Vestnik RGGU* [RGGU Bulletin], no. 11(73), pp. 80–101.
10. *Kreydlin G. E., Pereverzeva S. I.* Gesture of friendship and love. II. Kisses [Druzheskije i l'ubovnyje zhesty. II. Potselui]. *Lingvistika dl'a vseh. Letnije lingvisticheskije shkoly 2009, 2010 i 2011* [Linguistics for everybody. Summer Schools of Linguistics in 2009, 2010 and 2011]. Moscow, 2013, to appear.